

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

1735(2)
76
32

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

3

издается с 1991 г.
выходит 4 раза в год
индекс РЖ 2
индекс серии 2,11
рефераты 95.03.001-95.03.030

МОСКВА 1995

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ

95.03.008. МАНН М. ОБЩЕСТВА КАК ОРГАНИЗОВАННЫЕ СЕТИ ВЛАСТИ.

MANN M. Societies as organized power networks // Mann M. The sources of social power — Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. — Vol. 1: A history of power from the beginning to A. D. 1760. P. 1-70.

Реферируется вводная теоретическая статья к первому тому задуманного Майклом Манном многотомного труда, посвященного “истории и теории властных отношений в человеческих обществах” (с. 1). Манн отмечает, что история и теория властных отношений в действительности совпадают с историей и теорией человеческого общества как такового. В связи с этим напрашивается вывод о невозможности осуществить задуманное предприятие. В свое оправдание автор заявляет о том, что намеревается руководствоваться “особым общим подходом к рассмотрению человеческих обществ, расходящимся с теми моделями общества, которые господствуют в социологии и в историографии” (с. 1).

Подход Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: “Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти” (с. 1). Смысл данного утверждения, раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть “подсистем”, “измерений” или “уровней” у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя свести “в конечном счете” к какому-то системному свойству этого целого — будь-то “способ материального производства”, “культурная” или “нормативная система”. В силу того что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на “эндогенные” и “экзогенные” разновидности. Не существует социальной системы и потому нет внутренне присущей

го ей “эволюционного” процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует “диффузии” форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, которая “как целое” ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно членение на “социальное действие” и “социальную структуру”.

Второе утверждение вытекает из первого. “Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений четырех источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений” (с. 2). Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

В самом общем виде власти — это способность преследовать и достигать те или иные цели посредством овладения окружающей средой. Социальная власть обладает еще двумя специфическими характеристиками. Во-первых, она представляет собой осуществление господства одних людей над другими людьми. Речь идет о “распределительном” аспекте власти, способности одних навязать свою волю другим. Во-вторых, социальная власть может быть “коллективной”. Коллективный аспект социальной власти заключается в кооперативном объединенном усилении мощи одних людей для господства над какими-то другими людьми или господства над природой. “В большинстве социальных отношений одновременно действуют и переплетаются оба аспекта власти — распределительный и коллективный, эксплуататорский и функциональный” (с. 6). Отношение между двумя этими аспектами социальной власти носит диалектический характер. Преследуя свои цели, люди вступают в отношения кооперативной коллективной власти. При реализации коллективных целей возникают социальная организация и разделение труда. Они несут в себе тенденцию к распределительной власти, что вытекает из функций надзора и координации. Те, кто занимает позиции наверху, в состоянии осуществлять контроль при условии, что функции контроля институционализированы в законах и нормах соответствующей социальной группы.

Власть выступает и в других формах. “Экстенсивная власть” означает способность организовывать большие группы людей, проживающих на обширных территориях, с целью обеспечить по крайней мере минимально стабильную кооперацию. “Интенсивная власть” — это способность обеспечить плотную организацию какой-либо группы и вытекающая от нее высокая степень мобилизованности и вовлеченности. Первичные структуры общества сочетают в себе, как правило,

и экстенсивную, и интенсивную власть, соответственно обеспечивают и экстенсивную, и интенсивную кооперацию для достижения тех или иных человеческих целей. "Авторитетная власть" предполагает отдачу определенных команд одними и осознанное подчинение других этим командам. "Диффузная власть" носит более спонтанный, бессознательный, децентрализованный характер. Она предполагает не команды и подчинение им, а спонтанное представление о том, что определенные виды социальной практики являются чем-то естественным, соответствующим морали и общему очевидному интересу. Примером могут служить представления, ведущие к оформлению солидарности какого-либо класса или нации.

Экстенсивная и интенсивная власть, с одной стороны, и авторитетная и диффузная власть — с другой, в своей совокупности дают четыре идеал-типические формы организационных возможностей, которые могут выступать в различных сочетаниях. Так, общая забастовка являет пример проявления относительно диффузной, но интенсивной власти. Рабочие готовы приносить индивидуальные жертвы во имя общего дела, причем делают это более или менее спонтанно.

Четыре источника социальной власти связаны с различными организационными средствами осуществления социального контроля. В разные времена и в разных обстоятельствах тот или иной источник превосходил другие по своим организационным возможностям, и форма организации этого источника социальной власти определяла форму соответствующего общества в целом.

Организация человеческой власти предстает в двух основных видах. В первом случае идеология являет себя как нечто "трансцендентное в социопространственном отношении". "Она выходит за пределы существующих институтов идеологической, экономической, военной и политической власти и порождает "священную" форму авторитета (в дюркгеймовском смысле), отделившуюся от более светских структур авторитета и возвысившуюся над ними" (с. 23). Идеология приобретает самостоятельную властную роль, когда в социальной жизни возникает возможность более интенсивного и объемного сотрудничества или более интенсивной и объемной эксплуатации одних людей другими, причем такое сотрудничество или эксплуатация выходят за рамки имеющихся у светских властей возможностей.

По Дюркгейму, религия возникает вследствие нужности и полезности нормативной интеграции. Она становится чем-то "священным", отделившимся от светских властных отношений. Однако религия не ограничивается лишь тем, что интегрирует и отражает уже сложившееся "общество". Она оказывается в состоянии создать сеть взаимоотношений, подобных обществу, создать религиозное или культурное

сообщество на основе возникающих в порах старого общества потребностей и отношений.

Второй вид организации идеологической власти — “имманентная мораль”, интенсифицирующая сплоченность, уверенность и соответственно мощь какой-либо наличной социальной группы. Имманентная идеология не столь автономна, как трансцендентная, она в основном направлена на укрепление тех социальных отношений, что уже существуют. Это вовсе не умаляет мощи этого вида идеологической власти. Об этом свидетельствует роль, которую играли идеологии классов и наций в истории.

Экономическая власть связана с обеспечением выживания людей посредством социальной организации извлечения, преобразования, распределения и потребления продуктов природы. Группировка социальных отношений людей для решения этих задач называется “классом”. “Таким образом, классы — это группы, обладающие различными властными возможностями социальной организации извлечения, преобразования, распределения и потребления продуктов природы” (с. 25).

Автор называет вид организации экономической власти “сетями практики”¹. Соответственно, классы — это группы, определяемые через их отношение к “сетям практики”.

Организация военной власти носит “концентрированно-принудительный и авторитарный характер. В своем воздействии на общество военная власть принимает двойственную социопространственную форму. У нее есть концентрированное мощное ядро, которое как бы окружено обширной зоной, где располагается население, по отношению к которому может быть применена военная сила в случае его неподчинения социальным установлениям.

Организация политической власти также имеет двойственную социопространственную форму. Речь идет о различии между “внутренней” и “международной” организацией. В первом случае речь идет о территориально ограниченном и территориально централизованном государстве. Вторая форма организации политической власти — “геополитическая дипломатия”. Автор отмечает, что социологическая теория обычно игнорирует ее. Но геополитическая организация политической власти является существенно важным компонентом социальной жизни. Ее нельзя свести к “внутренним” конфигурациям власти в государствах, образующих составные части геополитической целостности.

“Отношения между четырьмя указанными источниками социаль-

¹ В более поздних работах М. Мани отказывается от данного термина из-за его “ма юнонатности” и начинает использовать более традиционные обозначения — “классы”, “секционные” и “сегментные” типы организации экономической власти.

ной власти не являются сугубо внешними, поскольку они не отделены жестко и четко друг от друга. Вообще эти источники следует рассматривать как идеальные типы, существование которых носит прерывистый характер как отдельных организаций в рамках разделения труда и которые могут задавать обществу весьма разношерстную форму” (с. 28).

В то же время многие интеракционные сети располагаются как бы в порах основных четырех источников социальной власти и не вписываются полностью в наличные “господствующие конфигурации” социальной жизни. Кроме того, в эти господствующие конфигурации не полностью интегрированы в институциональном отношении и некоторые, причем весьма важные, моменты и указанных четырех источников. “Эти два ресурса “поровой интеракции” и ведут в конечном счете к появлению эмерджентной властной сети, центрирующейся на одном или более источниках социальной власти, а также приводят к реорганизации социальной жизни и новой господствующей ее конфигурации. И таким образом продолжается исторический процесс” (с. 30).

Сопоставляя свой теоретический подход с социологической ортодоксией, автор отмечает следующее. В соответствии с воззрениями марксизма и неовеберизма, господствующими являются три типа организации социальной власти. Это класс, статус и партия. Принимая в основном первые два типа — экономика/класс и идеология/статус, автор считает необходимым разделить тип политика/партия, на две различных категории: политическая и военная власть. Речь идет, с одной стороны, о стержневом политическом устройстве, включающем государственный аппарат и политические партии (там, где они существуют), с другой — о физической, или военной, силе. Маркс, Вебер и их последователи не проводят такого различия, потому что обычно рассматривают государство как носителя физической силы в обществе.

Четыре основных источника власти — экономическая, идеологическая, военная и политическая власть — в соответствии с социологической ортодоксией предстают как “уровни социальной формации” (в марксизме) или как “измерения общества” (в веберизме). Точнее было бы сказать, “в соответствии с ортодоксальными воззрениями на стратификацию”, поскольку общая исходная посылка марксизма и веберизма такова: “Социальная стратификация — это создание и распределение власти в обществе” (с. 10).

Такие воззрения предполагают абстрактное, почти геометрическое рассмотрение общества как унитарного образования. Уровни или измерения выступают как составные элементы какого-то большего целого. Многие даже дают диаграммное изображение общества. Общество предстает как большая коробка или окружность n -мерного простран-

ства, разделенного на меньшие коробки, секторы, уровни, векторы, измерения.

В соответствии с подобной позицией каждое измерение/уровень можно разложить далее на какое-то число "факторов". В связи с этим развернулась дискуссия между сторонниками многофакторного и однофакторного подходов. Первые стремятся обосновать, что идейные, культурные, идеологические, символические факторы являются автономными и несводимы к материальным или экономическим факторам. Однофакторный подход отстаивают марксисты.

Несмотря на политику, стороны разделяют посылку, заключающуюся в представлении о "факторах" как о компонентах функциональных, организационных измерений, или уровней, которые являются независимыми подсистемами какого-то всеохватного социального целого. А это, в свою очередь, связано с использованием общего основного понятия — "общество". В общем термин "общество" чаще всего применяется для обозначения всякой стабильной человеческой группы и в этом плане не отличается от таких выражений, как "социальная группа" или "ассоциация". Сам автор также намеревается использовать термин "общество" в таком значении. Однако в более строгом или более амбициозном смысле "общество" применяется к стабильной социальной группе, понимаемой как унитарная социальная система. В таком смысле использовали этот термин Конт, Спенсер, Маркс, Дюркгейм, антропологи-классики. Только Вебер относился настороженно к такому подходу, и лишь Парсонс вступил с ним в открытый спор. Определение Парсонса "Общество — это определенный тип социальной системы во всяком универсуме социальных систем, который достигает наивысшей степени самодостаточности как система по отношению к своей среде" приемлетс автором, но при этом отвергается чрезмерное употребление слова "система". В итоге он предлагает свое определение: "Общество — это сеть социальной интеракции, на границах которой существует определенного уровня интеракционный зазор между нею и ее средой" (с. 13). Общество представляет собой известное единство со своими пределами, оно содержит относительно плотную и стабильную интеграцию. Это означает, что такая интеракция является внутренне структурированной, если сопоставлять ее с какой-либо интеракцией, пересекающей ее пределы.

В основе системной, или унитарной концепции общества лежит теоретическая посылка о том, что люди как социальные животные нуждаются в обществе, как ограниченной и структурированной социальной тотальности. Это неверно. Люди нуждаются в социальных властных отношениях, но не нуждаются в социальных тотальностях.

Ю. А. Кимелев